

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: УСЛОВИЯ, ПРИЧИНЫ, ВОЗМОЖНОСТИ	5
1.1. Условия и причины октябрьской революции 1917 года.....	5
1.2. Февральская революция 1917 года. Варианты развития.....	8
1.3. Социалистическая революция.....	18
2. РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.....	24
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	30
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	35

ВВЕДЕНИЕ

Можно считать справедливой точку зрения многих историков, социологов, философов, политологов, считающих значительными для судеб XX века событий 1917 года. Есть разные мнения о причинах, ходе и последствиях Февраля и Октября. На рубеже веков очень важно для понимания социально-политических изменений в России, да и во всем мире, рассмотреть события начала нашего столетия, впрочем как и современной реальности.

В 1997 году исполнилось семьдесят лет двум российским революциям (Февральской и Октябрьской), изменившим судьбу России и оставившим неизгладимый след на всем двадцатом веке.

Пожалуй, сегодня нет ничего более запутанного, чем эти страницы отечественной истории. В их трактовке содержатся по меньшей мере четыре разные "правды": одна - единственно истинная — та, какими эти революции были на самом деле, почему они развивались так, а не иначе; вторая объясняет, как эти революции субъективно воспринимались современниками и участниками, почему они руководствовались тем или иным пониманием, будучи авторами и актерами драмы; третья - "правда", которая на протяжении ряда десятилетий внедрялась в общественное сознание в качестве "марксистско-ленинской", хотя на деле была сталинизмом; наконец, четвертая - это широко афишируемая ныне "правда", а на деле откровенная ложь, какую распространяют сегодняшние противники Октябрьской революции, откровенные враги социализма.

Конечно, было бы большим самомнением, предлагая собственное видение событий, претендовать на истину в последней инстанции, а не на еще одну попытку приблизиться к адекватному отражению случившегося - на что претендует каждый добросовестный общественник, берущийся за перо и пишущий об отечественной истории. Никто не застрахован от ошибок, но следует различать невольные заблуждения, порожденные сокрытием фактов или несовершенством концептуального аппарата, и преднамеренную ложь, пренебрегающую фактами и сознательно обманывающую сограждан в угоду одномоментной корысти или долговременного холуйства перед властью имущими. Ныне в общественном сознании не мало тех, кто переход к рынку понимает как торговлю единственным своим достоянием - совестью. А как известно, "чем меньше совести, тем больше всего остального".

Среди этих последних немало ретроградов, осуждающих революции как таковые, не понимающих того, что революционные перевороты, сопровождающие естественно-историческое развитие - средство спасения и умножения обществом производительных сил, а потому важный момент прогресса. Эсер Виктор Чернов в свое время писал: "Оправдание

революции - не в выигрыше времени и в экономии сил. Ее оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является единственным способом двинуться вперед там и тогда, где и когда упрямство командующих групп и классов пытается глухой стеною отстаивать мощное и неукротимое историческое движение". Именно такими и были революции 1917 года - это были тогда единственно возможные способы двинуться вперед.

Цель данной курсовой работы – рассмотреть октябрьскую революцию 1917 года и попытаться ответить на вопрос о ее значении в истории нашего государства. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть октябрьскую революцию 1917 года, ее условия, причины, возможности, через призму места этого события в истории;
- рассмотреть роль и место русской интеллигенции в революции;
- сформулировать выводы и заключение.

Отметим, прежде чем приступить к выполнению поставленных задач, что сам вопрос о роли и месте революции подразумевает, наверное, не столько однозначный ответ, сколько его поиск. Слишком много факторов, слишком много событий, много неизвестного во всем произошедшем тогда и слишком мало еще прошло времени для того, чтобы дать однозначный ответ.

1. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: УСЛОВИЯ, ПРИЧИНЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

1.1. Условия и причины октябрьской революции 1917 года

К началу XX века Россия не была страной классического капитализма. Запоздавшая реформа 1861 года, хотя и дала значительный толчок развитию России по буржуазному пути, не позволила ей решить многие задачи общественного развития. "Здесь в силу запоздалого вторичного и догоняющего развития капитализма, - пишет академик П. Волобуев, - как бы наложились друг на друга разные исторические эпохи, спрессованные во времени и пространстве. Ввиду этого одновременно надо было решать и аграрный вопрос - основной для страны, где крестьянство составляло большинство населения, и задачи капиталистической индустриализации, подъема культурно-образовательного уровня народа, и национальную проблему, и проблему демократизации общественно-политической жизни - замены абсолютистско-бюрократических порядков буржуазно-демократическими и т.п."¹

При всех издержках прогресса страна отличалась высокой концентрацией промышленного производства, значительным уровнем организованности и сознательности рабочего класса, сложной многопартийностью и острой идейно-политической борьбой. Отличительной чертой было также то, что российская буржуазия не была революционной и боялась радикальных перемен. Еще одна особенность состояла в том, что обе российские революции протекали в ходе мировой империалистической войны — главного дирижера многих событий. Без разрыва с войной никакие радикальные перемены в стране были невозможны, а необходимость такого разрыва резко сближала назревшие общедемократические перемены с социалистическими, с радикальными мерами борьбы против империалистических основ войны.

Как же политически сознательная Россия встретила этот вызов истории? На политической арене страны было много партий, движений и лидеров, дававших свой ответ на этот исторический вызов. Какую позицию заняли левые, те, кто сыграл главную роль в революциях 1917 года?

Хорошо известно, что, выступая за естественноисторический переход к социализму, Маркс и Энгельс не раз предупреждали революционеров, что попытки преждевременного и насильственного насаждения нового строя грозят неизбежным провалом, ведут не к действительному, а к "казарменному коммунизму" с его формальным обобществлением, фактически не устраняющим капитала и связанных с ним отношений. "Для такого

¹Волобуев П. К вопросу о закономерности Октябрьской революции. // Коммунист, 1999. № 10 С 21.

коммунизма, - писал К. Маркс, - общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом". Поскольку же общество не в состоянии еще обеспечить сносное существование всем своим членам, то в нем, если и не возобновляется в полной мере "борьба всех против всех", то сохраняется вся "старая мерзость" борьбы за жизненные блага с использованием силы и власти, что и превращает общество в казарму, нерентабельно производящую, населенную забитыми гражданами и их стяжателями-правителями.

Ф. Энгельс дважды писал о том, что если коммунисты получают власть до того как сложатся условия господства представляемого ими класса, то это приведет к катастрофе, ибо их вождь окажется перед неразрешимой дилеммой: "то, что он может сделать противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии, а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно". Это крайне суровое предупреждение было по-разному воспринято меньшевиками и большевиками.

Для меньшевиков осознание этого явилось первопричиной их постоянного нежелания ввязываться в борьбу, пока капитализм не достиг зрелых форм. Боясь оказаться в этом гибельном положении, они призывали "не братья за оружие" в революции 1905 года; выступали против активного вмешательства в управление страной после Февраля 1917 года, настойчиво боролись против подготовки вооруженного восстания в Октябре: им всюду мерещилось преждевременное овладение властью без наличия объективных условий. Именно с этих позиций они критиковали "авантюризм-волонтаризм" и "социалистический бред" большевиков, стремившихся к активным действиям в условиях еще не созревшего для социализма общества².

Принципиально иной вывод сделали большевики: если российская буржуазия консервативна и не желает осуществлять свою историческую миссию, а Россия уже созрела для радикальных буржуазно-демократических перемен, то в такой обстановке вождь рабочего класса "вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент", разумеется, не

²Белковец Л. П., Белковец В. В. История государства и права России. Курс лекций. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2000. — С. 153.

обманывая свой класс, а разъясняя ему ситуацию. Короче, ни в коем случае нельзя "отсиживаться", бездействовать в ходе такой революции³.

Убеждение, согласно которому социальную революцию рабочего класса следует пассивно ждать до тех пор, пока капитализм не исчерпает весь свой потенциал - ошибочно, ибо социально-экономическое противоречие, вызывающее революционный взрыв, и классовый характер возникающей политической власти, ее возможные действия и проводимые преобразования не являются жестко, однозначно, неразрывно связанными.

Будучи результатом революционной энергии масс, новая власть представляет собой относительно самостоятельную ценность, фактор, способный ускорить прогресс. На фундаменте одного и того же социально-экономического противоречия в зависимости от степени недовольства, уровня организованности и активности масс возникающая власть может быть разной - менее или более революционной. Так, результатом Февральской революции, являвшейся по своему существу буржуазной (но с широким участием масс), были возможны, по меньшей мере, три варианта: диктатура буржуазии, демократическая диктатура пролетариата и крестьянства и, наконец, то, что состоялось на деле - двоевластие, сочетание того и другого. Мало того, сама революционная власть при определенных условиях (скажем, если это демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, возникающая в ходе буржуазно-демократической революции эпохи империализма), может начать действия, характеризующие задачи уже другой - социалистической - революции. Однако всегда, опираясь на энергию создавших ее масс (их недовольство, порыв, энтузиазм), революционная власть остается только относительно самостоятельной; выход за эти пределы ведет к отрыву от масс, к термидору. Эта концепция как раз и позволила Ленину по-новому подойти к перспективам революционной борьбы в России.

1.2. Февральская революция 1917 года. Варианты развития

23- 27 февраля 1917 года система социально-экономических и общественно-политических противоречий, обостряемых неслыханными бедствиями империалистической войны, взорвалась стихийными выступлениями масс. Начавшись со столкновений у продовольственных магазинов и хлебных лавок, с демонстраций работниц петроградских заводов против войны и голода, поддержанные стачками на многих предприятиях, массовые выступления граждан быстро переросли во всеобщую политическую стачку, в бои с полицией, а с 26 февраля и в бои с вызванными в столицу войсками, что уже 27 февраля привело не только к отказу войск бороться против населения, но и к массовому переходу войск на сторону народа, к захвату правительственных зданий восставшими.

³В. Старцев. Альтернатива. Фантазии и реальность // Коммунист, 1994, № 15. - С. 35.

В результате этих активных выступлений рабочих и солдат, а также сочувствующих им граждан революция одержала политическую победу - в России пало самодержавие, возникло двоевластие: с одной стороны, власть созданного думским комитетом буржуазно-помещичьего Временного правительства, с другой, власть Советов рабочих и солдатских депутатов как демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Политическая победа буржуазно-демократической революции в России поставила российское общество перед выбором: пойдет ли Россия по пути решительного устранения пережитков феодализма и быстрого (по американскому образцу) развития капитализма, создания предпосылок более высокого общественного устройства ИЛИ она будет непрерывно спотыкаться о препятствия, придерживаясь прусского пути - постепенного вращивания в капитализм?

Сегодня о Февральской революции пишут многие и самое разное. Но мало кто добирается до органического противоречия или, если хотите, интимного смысла, озарявшего своим светом ее драматический ход и исход. Эта главная тайна Февральской революции (называемая на Западе "смутной революцией"), состоит в том, что, будучи по своей природе буржуазной, она не имела в своей структуре такой общественно-политической силы, которая была бы способна повести Россию по капиталистическому пути. Многочисленные сторонники капиталистической ориентации, с пеной у рта обвиняющие большевиков в том, что они своей политикой и действиями свернули Россию с "общечеловеческого" пути, скрывают этот органический изъян революции, молчат о том, почему все три Временных правительства 1917 года так и не осуществили назревших задач буржуазно-демократической революции. Поэтому весьма странно звучат слова доктора исторических наук, заявлявшего: "Возможность продолжения развития России по буржуазно-демократическому пути не только существовала, но и была, как мне кажется, в сложившихся условиях наиболее вероятной. Ее обеспечивали победа Февральской революции, вооруженное свержение царского строя и существенное преобразование государственного аппарата, значительная поддержка массами демократического Временного правительства".

Почему же эта «наиболее вероятная» возможность не реализовалась? Согласно В. Старцеву, во всем мире виновато Октябрьское вооруженное восстание ибо "Временное правительство Керенского имело шансы довести страну до Учредительного собрания, если бы не было свергнуто Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде"⁷. Куда же делась "значительная поддержка массами" этого правительства, как оно дошло до того, что оказалось свергнутым?

Такой исход Февральской революции был с самого начала заложен в расстановке общественно-политических сил России, в революционности народа и неревлюционности

буржуазии, в нараставших бедах ведущейся войны, порвать с которой Временное правительство никак не могло в силу своей социальной природы, что и предопределило утрату им авторитета.

В. Ленин лучше, чем кто-либо другой, понимал, что сразу после Февраля сложившаяся в стране ситуация, когда ни буржуазно-помещичье правительство, и соглашательские Советы не осуществляют назревшие меры, а значит сохраняют и обостряют недовольство граждан, таит в себе смертельную опасность для решительного завершения задач буржуазной революции и тем ибо "Временное правительство Керенского имело шансы довести страну до Учредительного собрания, если бы не было свергнуто Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде"⁴. Куда же делась "значительная поддержка массами" этого правительства, как оно дошло до того, что оказалось свергнутым?

Такой исход Февральской революции был с самого начала заложен в расстановке общественно-политических сил России, в революционности народа и нереволуционности буржуазии, в нараставших бедах ведущейся войны, порвать с которой Временное правительство никак не могло в силу своей социальной природы, что и предопределило утрату им авторитета.

В. Ленин лучше, чем кто-либо другой, понимал, что сразу после Февраля сложившаяся в стране ситуация, когда ни буржуазно-помещичье правительство, и соглашательские Советы не осуществляют назревшие меры, а значит сохраняют и обостряют недовольство граждан, таит в себе смертельную опасность для решительного завершения задач буржуазной революции и тем самым исключает возможность развития России по обычному капиталистическому пути. Он сознавал и то, что спасти революцию и перспективу радикального осуществления ее буржуазно-демократических задач может вовсе не буржуазия, а революционный союз рабочих и крестьян, возглавляемых сознательным пролетарским авангардом. Короче говоря, по иронии судьбы только революционные силы, возглавляемые большевиками, могли решительно реализовать задачи "не своего класса", назревшей буржуазной революции, но для этого был необходим новый (второй) этап. Другими словами, выход заключался в том, чтобы, мобилизовав и организовав растущее число недовольных, обеспечить новый классовый сдвиг. В ходе этого второго этапа все той же буржуазно-демократической (а вовсе не социалистической) революции и должна была установиться более радикальная политическая власть, способная справиться с нерешенными задачами буржуазной революции. Это должна быть отнюдь не социалистическая диктатура пролетариата, а революционно-демократическая диктатура пролетариата и беднейшего

⁴В. Старцев. Альтернатива. Фантазии и реальность // Коммунист, 1994, № 15. С. 36.

крестьянства или даже демократическая диктатура пролетариата (о такой разновидности революционно-демократической власти Ленин писал еще во время революции 1905 года).

Но пока В. Ленин разрабатывал свою новую концепцию углубления революции в России и собирался возвратиться в страну, жизнь не стояла на месте. Вернувшиеся из ссылки в Петроград 12 марта (на 22 дня раньше Ленина) И. Сталин и Л. Каменев возглавили Бюро ЦК РСДРП(б), подчинили себе редакцию "Правды" и, стремясь ориентировать трудящихся в сложной ситуации, стали в ряде статей излагать свою особую, в сущности, оппортунистическую позицию, в корне противоречившую ленинскому пониманию перспектив революции, его отношения к Временному правительству, к соглашательским Советам, к вопросам войны и мира, — т.е. по всем ключевым вопросам стратегии и тактики. Венцом этого оппортунизма стало мартовское совещание большевиков, о котором и сегодня остаются в неведении не только студенты-историки, но и целое поколение их учителей-профессоров.

28 марта 1917 года, т.е. всего за несколько дней до приезда В. Ленина и апрельских конференций, одновременно с совещанием представителей самых влиятельных Советов, в Петрограде открылось Всероссийское совещание большевиков, созванное бюро ЦК. Месяц, прошедший не уменьшил, а из-за путаных статей в "Правде" и меняющихся установок руководства даже усилил растерянность и разброд в партийных рядах. Основной докладчик - И. Сталин так характеризовал происшедшее в России: "Власть поделилась между двумя органами, из которых ни один не имеет полноты власти... Совет фактически взял почин революционных преобразований, Совет - революционный вождь восставшего народа, орган, контролирующий Временное правительство. Временное правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. Совет мобилизует силы, контролирует. Временное правительство, упираясь, путаясь берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые уже фактически взяты нами". Здесь каждая фраза - шедевр оппортунизма.

Ведь еще не так давно И. Сталин вслед за Лениным повторял общепризнанную идею о неревolutionности буржуазии в России, что она не может быть ни двигателем, ни тем более вождем революции, что она - убежденный враг, что в ходе революции именно против нее следует вести решительную борьбу, чтобы реализовать ее задачи. Теперь же И. Сталин доказывал нечто прямо противоположное: он изображал взаимоотношения между двумя основными классами как разделение труда между двумя "органами": Советы, т.е. рабочие и солдаты, совершают революцию, а правительство, т.е. капиталисты и либеральные помещики, "закрепляют" ее! "Нам не выгодно форсировать сейчас события, ускоряя процесс откалывания средне буржуазных слоев, чтобы подготовиться к борьбе с Временным

правительством"⁵. Здесь почти целиком исчезает отличие сталинских позиций от меньшевизма.

Таким образом, вопреки сталинской исторической "правде", много лет выдававшейся за "марксистско-ленинскую", вовсе не Л. Каменев и Г. Зиновьев были главными глашатаями антиленинской линии в канун апрельской конференции большевиков. Главным идеологом был И. Сталин, которому потом только ценой невероятных усилий, "дозированной лжи", прямых фальсификаций и полупризнаний, сокрытия протоколов и физического устранения свидетелей, надолго удалось затуманить суть дела, возложить главную вину за содеянное на своего тогдашнего союзника - Л. Каменева. До сих пор история пишется так: о мартовском совещании большевиков ни слова, об оппортунистическом докладе И. Сталина - молчок, о его удивительном хамелеонстве и непорядочности - тишина.

Однако настал день, в Петроград вернулся В. Ленин со своей концепцией углубления революции в России. Эту позицию он излагал перед большевиками и меньшевиками на совещаниях, митингах и конференциях, встречая возражения не только со стороны открытых противников из лагеря буржуазии, от конкурентов-меньшевиков, но и от многих коллег-единомышленников. Внимательно изучив не только суть ленинской концепции, но и характер многочисленной ее критики, я утверждаю, что большинство оппонентов Ленина, сплошь и рядом, не поняли его концепцию и по сути дела критиковали не ленинскую концепцию, а собственную - фальшивую - ее версию. Если кадет П. Милюков утверждал, будто Ленин и его партия делали вывод: к буржуазной революции социалисты не должны прикасаться, то все другие – от меньшевика Г. Плеханова до большевика Л. Каменева - обвиняли Ленина за то, что он, якобы, предлагал оставить уже закончившуюся буржуазную революцию и перейти к революции социалистической, выступал за непосредственное перерастание или "перерождение" первой во вторую и "введение социализма" в России. Мы еще вернемся к этим фальшивым обвинениям, здесь же выясним, как И. Сталин отнесся к начавшемуся повороту большевиков к новой ленинской концепции? "Лично для Сталина апрельское перевооружение партии имело крайне унижительный характер. Из Сибири он приехал с авторитетом старого большевика, со званием члена ЦК, с поддержкой Каменева и Муранова. Он тоже начал со своего рода "перевооружения", отвергнув политику местных руководителей как слишком радикальную и связав себе руки рядом статей в "Правде", докладом на совещании, резолюцией Красноярского Совета. В самый разгар этой работы, которая по характеру своему была работой вождя, появился Ленин. Он вошел на совещание, точно инспектор в классную комнату и, схватив на лету несколько фраз, повернулся спиной к

⁵Русский курьер, 1990, № 1. С. 7.

учителю и мокрой губкой стер с доски все его беспомощные каракули. У делегатов чувства изумления и протеста растворялись в чувстве восхищения.

У Сталина восхищения не было. Были острая обида, сознание бессилия и желтая зависть. Он был посрамлен перед лицом всей партии неизмеримо более тяжело, чем на тесном Краковском совещании после его злосчастного руководства "Правдой". Бороться было бы бесцельно: ведь он тоже увидел новые горизонты, о которых не догадывался вчера. Оставалось стиснуть зубы и замолчать. Воспоминание о перевороте, произведенном Лениным в апреле 1917 г., навсегда вошло в сознание Сталина острой занозой. Он овладел протоколами мартовского совещания и пытался скрыть их от партии и от истории"⁶.

Совсем иначе реагировал Л. Каменев - друг и соратник Ленина: он, подтверждая свой принципиальный подход к делу, открыто выступил против ленинских тезисов. В чем состояла суть его позиции?

В своих выступлениях и статьях Л. Каменев, как и другие, обвинял В. Ленина в том, что тот ошибочно считал буржуазную революцию уже законченной и выступал за непосредственное перерастание (по терминологии Л. Каменева "перерождение") буржуазной революции в социалистическую, за преждевременное нацеливание масс на "шаги к социализму", т.е. на преждевременный переход к социализму. Когда знакомишься с подобными обвинениями, раздававшимися в то время не от одного Л. Каменева, невольно возникает вопрос: неужели В. Ленин, неоднократно писавший о недоступности смешения "реально-демократического переворота" с "мнимо-социалистическим", не видел и не понимал этого?

Если внимательно изучить его тогдашние работы, речи и выступления, связанные с апрельскими конференциями и тогдашними установками большевиков, то очевидно следующее: да, действительно на этом историческом переломе В. Ленин выдвинул весьма спорный для многих курс на новый политический этап уже идущей революции, курс, способный по его мнению, во-первых, обеспечить радикальное завершение задач буржуазной революции, во-вторых, нацелить общество на более отдаленную другую - социалистическую - революцию, вполне понимая, что в условиях незавершенности задач буржуазно-демократической революции об этой спорной перспективе речь следует вести не непосредственно, а опосредовано, в виде осуществления ряда приближенных войной "шагов к социализму".

Чтобы достичь такого результата необходима перегруппировка классовых сил, нужен "классовый сдвиг" в рамках буржуазной революции, сдвиг, обеспечивающий переход от двоевластия к революционно-демократической власти пролетариата и беднейшего

⁶Лев Троцкий. Сталин. Т. 1. С. 273.

крестьянства. С точки зрения развития революции такая власть должна обеспечить осуществление двух целей: первое - в сложившихся условиях рассчитывать на реализацию "старой формулы" большевиков, на утверждение демократической диктатуры пролетариата и крестьянства было нельзя, ибо было неизвестно, «может ли теперь быть еще в России особая "революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства", оторванная от буржуазного правительства». Само допущение возможности такой власти (а ведь она орган буржуазной революции) - свидетельство того, что Ленин и здесь считает задачи буржуазной революции не завершенными. А поскольку на неизвестном базироваться в тактике нельзя, возможен только один путь: "немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелкобуржуазных". Существовало и второе соображение: ни одно завоевание демократии для завершения задач революции не могло быть реализованным без выхода из войны. Но разрыв для этого империалистически-капиталистических связей России, безусловно, не укладывался в рамки задач буржуазной революции: эта задача была не под силу любому, в том числе самому демократическому буржуазному правительству, а потому решать задачу могло только продвижение революционного процесса "чуть дальше" обычного буржуазно-демократического, что было под силу только новому — более радикальному -этапу демократической революции с ее "почти социалистическим" правительством - диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства.

Возвращаясь к реальной ситуации 1917 года - на отрезке между Февралем и Октябрем - есть все основания утверждать, что разговоры о том, будто Ленин и большевики своей нацеленностью на более радикальный этап буржуазной революции сломали возможность поступательного развития капитализма в России, вызывают только смех, ибо в тогдашней России никто не собирался вести страну по капиталистическому пути, а точнее, тогда не было сколько-нибудь влиятельной общественно-политической силы, способной повести страну по такому пути.

Конечно же, сама российская буржуазия очень хотела быстрого развития в стране капитализма, а вместе с ним и своего процветания, но она не желала необходимых для этого радикально-революционных мер, боялась подобных мер, не шла на них. Это стало ясно уже после прихода к власти первого буржуазно-помещичьего Временного правительства, возглавляемого князем Львовым. С каждым месяцем от Февраля до Октября становилось все яснее, что буржуазия, придя к власти не хочет и не может выполнить свое историческое предназначение: дать мир народу, землю крестьянам, права и свободы всем гражданам. А значит ждать народу облегчения от этой власти нечего, значит правы были Ленин и большевики, давно заявлявшие, что российская буржуазия не хотела и не могла вести Россию

по капиталистическому пути, что сама надежда с ее помощью осуществить возрождение страны — ни на чем не основанная утопия, нереальная мечта вчерашнего и сегодняшнего обывателя, филистера, наслышавшегося басен о том, что если есть буржуазия, то возможен и капиталистический путь развития, строящего свое понимание истории не на реальных фактах, а на пожеланиях вроде "вот если бы, да кабы!".

Не только вчерашним "друзьям народа", но и сегодняшним "демократам", эксплуатирующим неосведомленность простого человека насчет того, как делается политика, а потому доверчиво прислушивающегося к тем, кто заявляет, что Октябрь был не нужен, что следовало ограничиться Февралем и идти капиталистическим путем, зададим простенький вопрос: почему же буржуазное правительство, утвердившееся после "славного Февраля", не повело Россию по этому сегодня благословляемому пути? Кто ему мешал дать землю крестьянам, свободу гражданам, мир всему народу? Кто мешал буржуазии, уже стоявшей у власти разрубить, этот гордиев узел острейших проблем, который затягивался все туже, неудержимо увлекая страну к новому революционному взрыву?

Конечно, вывод об отсутствии для тогдашней России буржуазной альтернативы большевистскому Октябрю можно объявить повторением коммунистической догматики, но тогда придется объяснить, кто и как мог осуществить эту альтернативу, как опровергнуть подобную версию буржуазной историографии, в том числе антикоммунистической?

Один из наиболее известных историков и славистов, профессор Калифорнийского университета Мартин Малия, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к большевизму, рассматривая развитие "сомнительной революции" 1917 года в России как "непрерывное искривление и притом исключительно политическое", пишет: "После четырех месяцев поражение двух легитимистских формаций, кадетов и умеренных социалистов, вынуждает нас заключить, что эти две силы в той ситуации, какая была в 1917 году, не располагали никакой возможностью создать в России демократический, конституционный, парламентский строй. Сожалеть об этом - значит попросту терять время. В 1914 году, если бы удалось сломить монархию, может быть эти две политические силы обладали бы некоторой возможностью создать демократическое государство по западному образцу, а позже уже нет... И тот факт, что две попытки в общей сложности продлились всего четыре месяца, весьма показателен". Но может быть это могло получиться у право-консервативных сил: армии, правых кадетов? М. Малия отвечает, что правые рассуждали и действовали так: "поскольку двойная власть, советы и эта попытка осуществления народно-революционной войны, посеяли повсюду лишь беспорядок и анархию, необходимо устранить их, установить твердую власть, уничтожить анархию в армии и возобновить войну. Такова была цель Корнилова, но вскоре обнаружилось, что кроме правых кадетов, национально-консервативная

среда в целом не имела достаточной опоры в стране. Попытка, предпринятая Корниловым, была поражением более чем плачевным". Вывод: "Значит и третья политическая сила проигрывает в этой игре: ни либералы, ни умеренные социалисты, ни правые не могли выиграть".

Мартин Малия, как и другие историки, справедливо отрицает возможность для России после Февраля 1917 года утвердиться на капиталистическом пути, показывает отсутствие должных общественно-политических сил для этого. Более того, вчерашним и сегодняшним "демократам", грустящим по этому поводу, он говорит: "Сожалеть об этом - значит попросту терять время. В 1917 году это было невозможно". Нерешенные проблемы Февраля, обостряясь и умножаясь, толкали страну к революционным событиям Октября.

1.3. Социалистическая революция

25 октября (7 ноября) 1917 года в результате острейших противоречий как унаследованных от Февраля, так и новых, наслонившихся за время восьмимесячного развития страны в условиях продолжавшейся империалистической войны, в истерзанной России произошел революционный переворот. В отличие от Февраля это был отнюдь не стихийный взрыв недовольства масс, а достаточно продуманное и организованное выступление вооруженных отрядов рабочих, солдат и матросов, завершившееся взятием Зимнего и арестом членов Временного правительства.

В результате успеха вооруженного восстания Октябрьской революцией была одержана политическая победа - буржуазное Временное правительство, возглавлявшееся эсером А. Керенским, было свергнуто, а государственная власть была передана Второму Всероссийскому съезду Советов, создавшему и утвердившему рабоче-крестьянское правительство, возглавленное лидером большевиков - В. Лениным. Победа Октябрьского переворота, потрясшая не только страну, но и весь мир, поставила вопрос: чья власть и во имя чего утвердилась в стране, куда она намерена повести Россию?

Сегодня, как и много лет назад, об Октябрьской революции пишут многие и разное. Мы живем в любопытное время, когда отечественных фальсификаторов нашей истории и в первую очередь Октябрьской революции гораздо больше, чем их было за рубежом за все послеоктябрьские годы. Но самым прискорбным является то, что этим постыдным делом сегодня заняты не только полуграмотные и неграмотные политические крикуны и падкие на синектуру журналисты, которым наука и совесть всегда были чужды, но также остепененные политики и политологи, философы и экономисты, - вчерашние марксистские ортодоксы, а сегодняшние "марксоеды", - которых ни в коем случае нельзя заподозрить в незнании и неграмотности. Напротив, есть основательные причины уличать их в сознательной лжи,

продуманном обмане своей паствы. Конечно, когда в стране все ломалось, перестраивалось и реформировалось, можно понять, что кое-кто, пытаясь "попасть в ногу" с быстро меняющейся ситуацией, неудачно приспособляясь к конъюнктуре, "второпях" наговорил лишнего, взболтнул непродуманное. Но теперь, когда после случившегося прошло достаточно времени, чтобы высветить последствия перемен, и когда из прошлых заметок и выступлений начинают лепить концепцию отечественной истории, а конъюнктурщики так и не покаялись, не исправили своих фальсификаций, могущих попасть в создаваемый вариант истории в качестве истин, как раз время назвать вещи своими именами.

Одно из главных мест среди "новаторских" подходов к отечественной истории, подходов, грозящих быть "пересаженными" в исторические учебники, занимает способ фальсификации фактов отечественной истории, который я называю просталинским. В чем его суть? Как известно, И. Сталин в "Вопросах ленинизма", издававшихся одиннадцать раз, а также в своем "Кратком курсе", тоже выходявшем многомиллионными тиражами, изложил свою - фальшивую - версию Октябрьской революции, свой вариант мыслей и действий Ленина и большевиков во время этого ключевого исторического события. Наша отечественная наука не смогла или не успела в свое время основательно разоблачить ложь этой версии, которая не только продолжает жить в головах миллионов граждан, но и служит предметом сегодняшних инсинуаций. Ведь нынешние политические крикуны, не будучи в состоянии спорить с В. Лениным и фактами истории - да они и не знают их - переписывая историю нашего отечества, опровергают не то, что было на самом деле, а именно эту освоенную ими в советское время сталинскую версию взглядов и действий Ленина, преподнося свою возню со сталинскими упрощениями в качестве "ниспровержения" Октября.

Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую сказанное одной большой сталинской ложью и тремя малыми обманами трех, как я их называю, "сталинских ретрансляторов" по двум вопросам: Почему Ленин выступал за Октябрьский переворот? Как он оценивал суть и перспективы Октября?

Исходная сталинская ложь такова. Вернувшись в Россию после Февраля и победы буржуазной революции 1917 года, В. Ленин сходу отбросил меньшевистскую догму о социально-экономической незрелости России и уже на апрельских партийных конференциях нацелил большевиков на непосредственный переход от буржуазной революции к социалистической, на перерастание первой во вторую. Развернув широкую агитацию в массах, используя недовольство граждан продолжающейся войной, большевики собрали необходимые силы и совершили Октябрьский переворот как классическую

социалистическую революцию: они свергли власть буржуазии, утвердили диктатуру пролетариата и тем открыли путь для реализации ленинского плана перехода к социализму.

Если мы обратимся к сегодняшним спорам об Октябре, то легко убедимся в том, что и друзья и враги Октября чаще всего ведут свои дискуссии в рамках этой сталинской версии. В результате за пределами дискуссии остается главная правда об Октябрьской революции. Войдя в общественное сознание как образец классической социалистической революции, эта революция на самом деле таковой не являлась: разрешая разнотипные противоречия. Октябрьская революция была по своей социальной природе органическим соединением разнородных социально-экономических процессов.

Непонимание этой главной правды Октября пронизывает статьи как тех, кто, защищая Октябрь, надеется отстоять "марксистско-ленинскую" (а на деле сталинскую) "правду" об Октябре, так и тех, кто, опираясь на ввевшуюся в обывательское сознание сталинскую ложь, заявляет, что опровергает Ленина и "развенчивает" Октябрь. Это особенно хорошо видно, когда исходную сталинскую ложь "сталинские ретрансляторы" трансформируют в свою конкретную ложь и ее же опровергают, выдавая все это за "развенчание" Октября. Обратимся к этим конкретным обманам.

Обман доктора экономических наук Г. Попова: Ленин и большевики, по мнению этого бывшего ортодоксального марксиста, быстро превратившегося в марксоеда, не видели и не хотели видеть неготовности России к социалистическим преобразованиям, считали, что она созрела для этого. Дословно: "Ленин большевики убедили себя и страну, что экономика созрела и даже перезрела для перехода к социализму".

Обман доктора философских наук А. Ципко. Этот автор, неоднократно выступавший против Ленина и Октября, утверждает, что Октябрьский переворот - продукт узкой кучки заговорщиков, что из-за нежелания россиян совершать социалистическую революцию, "жаждавший власти" Ленин возбуждал массы, используя такие извечные человеческие слабости как ненависть и зависть. Дословно: "Можно, конечно, писать сотни и тысячи умных статей о Ленине, о Троцком, о Марксе, но, на мой взгляд, нельзя не видеть некий общий тип людей, который сознательно эксплуатировал такое вечное человеческое качество как ненависть". И это, мол, было основой Октября. И далее: "Дело в конце концов не в Октябрьской революции как таковой, дело в нравственном оздоровлении общества".

А вот ложь писателей А. Адамовича и В. Солоухина. Согласно обвинительному приговору первого, В. Ленин и большевики — заговорщики-авантюристы: толкая массы к искусственно вызванной революции, они навязали гражданскую войну, что привело к миллионам жертв. Созвучно этому и фраза:

Октябрь - это "авантюра 1917 года, которая обошлась народу в миллионы жизней". В том же духе рассуждает В. Солоухин, который, благословляя дореволюционные порядки, клеймит большевиков-властолюбцев: "...Только ради власти были пролиты реки крови. А страдания людей невозможно исчислить".

Прежде чем приступить к рассмотрению этой псевдодемократической лжи, приведу некоторые соображения по этому же поводу демократа-историка А. Кивы. Примерно в то же время, когда его процитированные выше коллеги уже успели "расплеваться с коммунизмом" и превратились в актикоммунистов, а А. Кива еще только догонял их, он писал: "Упрощения всегда вредны... Как бы то ни было, нельзя согласиться с искаженным изображением Октября. Например, с утверждениями, что это был узкий заговор... Тем более смехотворны утверждения, что Лениным руководило стремление отомстить за своего старшего брата..., вряд ли подобает смотреть на Октябрь глазами династии Романовых, идеализировать последних. Ибо это противоречит истине, правде жизни".

Чтобы вернуться к правде жизни и опровергнуть не только упомянутых, но и многих других современных фальсификаторов Октября, взглядов и действий В. Ленина во время Октября, следует на время пренебречь упомянутыми шилась" сталинскими ретрансляторами и рассмотреть исходную сталинскую версию, ее ложь, ибо без ее разоблачения нельзя занять правильную отправную позицию для разоблачения более конкретных фальсификаций.

2. РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Общеизвестно, что Русская революция 1917 года, предопределенная целым рядом исторических обстоятельств, была детищем русской интеллигенции. И речь идет не только и не столько о революционерах в узком смысле этого слова. Интеллигенция в целом жила ожиданием радикальных перемен, стремилась к ним, обосновывала их необходимость, хотя и понимала характер этих перемен по-разному. Революция представлялась как тотальный переворот всей социальной системы, как полное очищение от старых ценностей, от «распутинщины», как создание нового на «чистом месте». Этот искренний порыв исторического созидания, исполненный всех тех же крайностей и неумеренности, столкнулся с отрезвляющей реальностью.

И этой реальностью стал быстро укрепившийся в Советской России бюрократически-тоталитарный режим. Интеллигенция, искренне не ведая того, привела его к власти, освятила этот путь. Но она же в глазах режима выступала с самого начала его первейшим социальным противником. Прежде всего не устраивали присущие интеллигенции независимость критического отношения к действительности, независимость мысли и действия как таковая. Это была социальная группа, труднее всего подчинявшаяся внешнему воздействию, ибо, как известно, духовные ценности обладают свойством высокой сопротивляемости.

Все возраставшее давление на интеллигенцию, развивавшееся по нескольким направлениям (экономическому, политическому и собственно идейно-нравственному) привело к возникновению новых парадигм (идеальных социальных типов), на которые стала ориентироваться российская интеллигенция послеоктябрьского периода⁷. Проиллюстрируем эти парадигмы весьма силуэтными портретами выдающихся русских интеллигентов, волею судеб олицетворивших их.

Парадигма первая. «Исход». Эмиграция на Запад стала для многих сотен тысяч русских интеллигентов эпопеей избавления и одновременно трагедией духовной безысходности.

Рассматриваемая парадигма предопределяет драматизм, если не трагизм того, кто ей соответствует. Так в общем произошло и с П.А. Сорокиным. Его научный гений имел чисто русские характеристики, его многочисленные социологические труды всегда содержали в себе тот самый нравственный компонент «излишности». Даже будучи искренним «западником», Сорокин продолжал оставаться чисто русским интеллигентом, маявшимся мировыми проблемами, судьбами человечества, нравственными эквивалентами социологических концепций и пр. И потому очевиден глубокий диссонанс, который звучал в

⁷Покровский Н.Е. Новые горизонты или историческая западня? // СОЦИС, №11, 1994. – С. 124.

отношениях Сорокина с современным ему интеллектуальным сообществом на Западе. Полного понимания в своих отношениях они все же не достигли. В итоге никем не оспариваемый авторитет Сорокина все же остается для Америки явлением сугубо историческим. Пророческий и нравственный дар П.П. Сорокина так и оставался не востребованным.

Парадигма вторая. «Уход в пещеры». Давление бюрократически-тоталитарного режима, постоянно усиливавшееся, заставило многих русских интеллигентов уходить во внутреннюю эмиграцию, создавать духовное подполье, замыкаться в себе, ограничивая круг социального общения. Жизнь и творчество А.Ф. Лосева может быть яркой, но одновременно и трагической иллюстрацией этой парадигмы. С конца 20-х годов Лосев практически прекращает свою основную преподавательскую деятельность и начинает писать «в стол». Это совпадает с его первым арестом, допросами в ОГПУ и заключением в лагерь на Соловецких островах. Пройдя «перевоспитание» в лагере и вследствие нового везения выйдя из него живым, А.Ф. Лосев полностью отказывается от любых форм общественной деятельности и фактически становится чистым мыслящим интеллектом, заточенным в пещере вынужденной изоляции. Лосев затихает и исчезает на десятилетия.

Весьма примечательно, что А.Ф. Лосев вполне сознательно остался в России, даже не рассматривая возможность эмиграции, которая у него в принципе оставалась до середины 20-х годов. Тема жертвенности — неизбывная тема русской интеллигенции. Но у Лосева она лишена надрывности и кликушества: «Такая жизнь индивидуума — писал он, — есть жертва. Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины — это и есть вечная жертва». Но неподдельный и философски обоснованный стоицизм Лосева тем не менее не может скрыть от нас глубокого трагизма его «парадигмы», приводящей русского интеллигента к изолированности от внешней социальной среды и духовному одиночеству.

Парадигма третья. «Попытка достойного партнерства». Эта парадигма была связана с попыткой интеллигенции установить честное и достойное общение с режимом и стремлением найти хотя бы какой-то модус их сосуществования при сохранении принципа невмешательства и личной независимости нравственного самовосприятия. В какой-то степени она может стать объяснением жизненного пути трех выдающихся русских интеллигентов — М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака и Д.Д. Шостаковича. В условиях установившегося после революции тоталитаризма М. Булгаков, в силу склада своего характера и убеждений, не мог и не хотел выбирать позицию добровольной изоляции. Посвятивший себя театру, он принимал деятельное участие в литературных объединениях, художественной жизни Москвы.

Парадигма «достойного партнерства» не принесла, однако, того, на что надеялся Булгаков. Все больше и больше его творчество шло вразрез с официозом, и он вынужден был так

или иначе начать литературное «двойничество», писать то, что заведомо не могло быть опубликовано. Так, его наиболее крупное произведение, роман «Мастер и Маргарита» и стал как раз «романом без будущего» (он был опубликован только в 60-е годы). Примечательно, что с социологической точки зрения, мировоззрение двойственности, философской разорванности восприятия мира гениально воплотилось в этом романе. Парадигма «достойного партнерства» оказалась также исполненной внутреннего драматизма и даже трагизма, которые проявляют себя как в коллизиях личной жизни русского интеллигента, так и в его творчестве. Это обстоятельство еще более разительно обнаружило себя в жизни Б.Л. Пастернака и Д.Д. Шостаковича.

Парадигма четвертая. «Умеренное сотрудничество». Наряду с дистанцированным партнерством русская интеллигенция выработала еще одну стратегию своего отношения к властям. Стратегия эта заключалась в том, чтобы «честно» принимать реалии социального уклада Советской России, но находить для себя такие области («лакуны») в творчестве и интеллектуальной деятельности, которые в наименьшей степени были связаны с нравственными компромиссами. Поскольку режим установился на многие сотни лет и конца ему, читалось, не было видно, *а равно и доступной* альтернативы ему нет, полагали вынужденные сторонники такой парадигмы, то следует, во-первых, искать нечто положительное плюс в самом режиме, а, во-вторых, нее же уходить как можно дальше от наиболее идеологически окрашенных тем и «зон».

На раннем этапе формирования этой парадигмы она была сформулирована в сборнике «Смена вех». Постепенно она получила широкое распространение. В литературе ее можно отметить, например, в жизни и творчестве К.С. Паустовского, позднее — писателей «деревеньщиков». В кино — это длинный список талантливых режиссеров, посвятивших себя разработке нравственных тем личности.

Парадигма пятая. «Самозабвенный сервелизм». Весьма значительная часть российской интеллигенции с энтузиазмом и полным отстранением от своего внутреннего Я приняла принципы и задачи официальной идеологии и посвятила себя ее служению. Причины перехода к этой парадигме бывали различны, но итог, как правило, оказывался одним: **идентификация** с официальной идеологией и «творческое», то есть искреннее служение ей всей силой своего таланта и своих способностей. Так возникало «социалистическое искусство» и «марксистское обществознание», нередко поддерживавшиеся весьма одаренными людьми (в этом, как раз и заключался наибольший трагизм ситуации). В социологическом отношении парадигма «самозабвенного сервелизма» стала знаменем «новой, социалистической интеллигенции» («рабоче-крестьянской интеллигенции», «трудовой интеллигенции» — таковы были главные идеологемы).

Парадигма шестая. «Диссидентство». Диссидентство в среде интеллигенции советского периода было попыткой радикального выхода за пределы существующей идеологии и прямой конфронтации с ней. Диссидентство — сложное социальное явление, однако его «парадигма» достаточно очевидна. Она подразумевала отрицание всего набора официальных духовных ценностей и противопоставление ему либо традиционных ценностей дореволюционной российской интеллигенции, либо современного западного либерализма. Диссиденты отрицали саму идею сотрудничества с властями на какой-либо основе. И в этой непримиримости заключалась сила нравственной позиции и логика социального действия. По своему характеру, однако, диссидентство было парадигмой сопротивления, сила которой состояла в отрицании. Что касается позитивной программы реконструкции русской культуры, то, как показал дальнейший ход событий, связанных с перестройкой и постперестройкой, этой программы в диссидентстве, по существу, не было.

Рассмотренные парадигмы, отражавшие расслоение русской интеллигенции в после-революционный период вплоть до 90-х г., между тем должны быть дополнены одним комментарием. Состоит он в следующем.

Если исходить из того, что русская интеллигенция возникла в XIX веке как итог «игры» социальных факторов, создавших возможность существования целого социального слоя, весьма условно связанного с экономической целесообразностью, то надо признать, что советский режим на совершенно иных основаниях сохранил социальные условия существования интеллигенции. Видимо, советский строй по инерции унаследовал просветительский и гуманитарный характер дореволюционной культуры. Но главное, должно быть, заключалось в том, что институционализированный марксизм поставил своей целью провести тотальную трансформацию сознания человека, а это требовало не только лагерей и расстрелов, но и более тонких методов проникновения в сердца и души людей. Вот эта вполне прагматичная социальная миссия и была уготована русской интеллигенции, что позволило ей сохраниться, выжить — пусть и в искаженном виде, но продолжить культурную традицию.

Изначальный нравственный мир русской интеллигенции не мог сохраниться после революции 1917 года. Однако он все же сохранялся как воспоминание, как исторически удаленная, но все же существующая система ценностного отсчета, как образец, пусть и недостижимый. Роль подобных нравственных ориентиров, принципов в жизни общества огромна. Отдельные фрагменты старого мира ценностей можно было видеть рассеянными в тех или иных областях советской культуры, словно остатки древних городов, которые включаются в современную застройку мегаполисов.

Ныне нередко строят предположения о том, что бы могло случиться с Россией, не будь революции 1917 года, не произойди убийство Столыпина, не будь распутинщины, не

отрекись Николай II от власти и т.д. При этом имеют в виду, что выбранная историей альтернатива была заведомо наихудшей и что все остальные наверняка бы привели Россию к процветанию. Возможно, но далеко не обязательно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение данной работы мы, безусловно, отметим важность рассмотренного события, его огромное значение, но не сможем дать ему оценку, сказать, отрицательная она или положительная. В работе, соответственно в первой и во второй ее частях приведены, в общем-то разные взгляды на рассматриваемые события, не противоположные, а именно разные. Таких разных взглядов сегодня множество, большинство из них имеют какую-либо идеологическую окраску, но есть, конечно, и очень близкие к истине - беспристрастные взгляды. Чем дальше, тем их будет больше, можно быть уверенными в этом. Когда пройдет больше времени и идеологический след будет не таким ярким, когда влияние наследия идей и взглядов, доставшихся нам с времен СССР станет слабее, тогда ответ на вопрос о роли и месте, о значении октябрьской революции 1917 года, станет ближе. Пока же есть только новые вопросы....

Со времени сталинского "Краткого курса" в советской и отчасти в зарубежной исторической науке господствует точка зрения, согласно которой Октябрьская революция представляет собой классическую социалистическую революцию, свергнувшую буржуазное Временное правительство, утвердившую диктатуру пролетариата и тем самым открывшую прямую дорогу для строительства социализма, для всех последующих "социалистических экспериментов" послеоктябрьской России. Если принять эту упрощенную и во многом фальшивую схему Октября, возникает ряд недоуменных вопросов. Главные из них таковы.

Октябрь был необходим в первую очередь для того, чтобы завершить буржуазно-демократическую революцию, чего не хотела делать имевшая власть буржуазия. Кстати, Л. Троцкий тоже писал о "самостоятельной борьбе, хотя бы только во имя демократических задач". Характеризуя тогдашнюю ленинскую позицию, он утверждал, что из нее вытекало: "довершить демократическую революцию возможно лишь при господстве рабочего класса".

Во-вторых, никакой прогресс в России не был возможен, пока она участвовала в империалистической войне, изматывавшей страну, ведшей ее к катастрофе. Но разрыв империалистических связей России, безусловно, не укладывался в рамки обычной буржуазной революции: такая задача была не под силу любому самому демократическому правительству. «Российская революция, - писал тогда В. Ленин, - свергнув царизм, должна была неизменно идти дальше, не ограничиваясь торжеством буржуазной революции, ибо война и созданные ею неслыханные бедствия изнуренных народов создали почву для вспышки социальной революции. И поэтому нет ничего смехотворнее, когда говорят, что дальнейшее развитие революции, дальнейшее возмущение масс вызвано какой-либо отдельной партией, отдельной личностью или, как они кричат, волей "диктатора". Пожар

революции воспламеняется исключительно благодаря невероятным страданиям России и всем условиям, созданным войною, которая круто и решительно поставила вопрос перед трудовым народом: либо смелый, отчаянный и бесстрашный шаг, либо погибай-умирай голодной смертью».

Как бы отвечая своим сегодняшним фальсификаторам, пишущим о "спекуляциях революционеров на человеческой ненависти", В. Ленин высмеивает тех, кто пытается изобразить Октябрьскую революцию как результат подстрекательства или "злой воли" партий и личностей, называет смехотворной саму мысль о том, что такое развитие «вызвано какой-то отдельной партией, отдельной личностью или, как иногда кричат, волей "диктатора"».

Нужно подчеркнуть: Ленин осознавал тот факт, что не полномасштабная социальная революция рабочего класса, тождественная социалистической революции, а только "вспышка социальной революции", вспышка, обусловленная войной и стремление разорвать с войной, а значит и с империалистически-капиталистическими связями, отношениями. Ленин неоднократно подчеркивал этот отнюдь не всеобщее социалистический, а частносоциалистический характер Октябрьского переворота, что, по его мнению, обязательно поставит эту революцию перед неслыханными трудностями. Так, он говорит, что "революция в стране, которая повернула против империалистической войны раньше других стран, революция в отсталой стране, которую события, благодаря отсталости этой страны, поставили, конечно, на короткое время, и, конечно, в частных вопросах впереди остальных стран, более передовых, — конечно, эта революция неизбежно осуждена на то, что она будет переживать моменты самые трудные, самые тяжелые и в ближайшем будущем самые безотрадные".

В-третьих, Октябрьская революция была необходима для того, чтобы вырвав Россию из империалистической бойни и завершив задачи буржуазной революции, создать благоприятные условия для постепенных и опосредованных шагов к социализму. Если проследить историю 1917 года, начиная с Февраля, то обнаружим, как В. Ленин настойчиво повторяет основную мысль: Россия не готова для "введения" социализма. В то же время он подчеркивает и другое: жизнь заставляет Россию, как и все другие страны, осуществлять меры, представляющие собой не непосредственный переход к социализму, а подход к нему, опосредованные "шаги к социализму".

Легкая победа Октября, всколыхнувшая "наинижайшие низы" общества, породила в массах веру в близость социализма. Выражая эти настроения масс, многопартийный II Всероссийский съезд Советов декларировал социалистический выбор дальнейшего развития страны. Уже 4(17) ноября 1917 года Ленин говорил: "Теперь мы свергли иго буржуазии.

Социальную революцию выдумали не мы - ее провозгласили члены съезда Советов, никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена". А еще через день Ленин писал: мы будем "проводить программу, одобренную всем Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму".

А как же с неготовностью России к социализму? Революционная эйфория, видимо, была главной причиной, подтолкнувшей Ленина и большевиков на согласие с подобными решениями. Насколько сильна была в тогдашнем обществе вера в близость социализма, в необходимость такого выбора и такого пути, свидетельствует и то, что даже в Учредительном собрании, открывшемся в марте 1918 года, партиям "социалистической ориентации" (социал-революционерам и социал-демократам) принадлежало более 85% мест. Оценивая этот факт, председатель собрания эсер В. Чернов говорил: "Страна высказалась, состав Учредительного собрания — живое свидетельство мощной тяги народов России к социализму". Эсер опровергает А. Ципко, А. Адамовича, В. Солоухина и других, заявляющих о том, будто Ленин и большевики насильственно навязали народу курс на социализм. Кстати, В. Чернов считал, что это мнение народа очень важно: "Оно означает конец неопределенного колеблющегося переходного периода". Констатируя "мощную тягу народов России к социализму", не подвергая сомнению социалистический выбор народа, В. Чернов предлагал свое видение этого избранного народом пути. "Социалистическое строительство, — считал он, — предполагает вместе с тем могучий подъем производительных сил страны... социализм не есть скороспелое приближение к равенству в нищете, не есть азартные и рискованные опыты, на почве общего упадка лишь ускоряющие разложение и разруху, напротив, он в деловой планомерной работе". Как известно, Ленин и большевики надеялись с самого начала осуществлять политику, названную позже НЭП.

Истории не суждено было испытать эти варианты развития: крайне обострившаяся классовая борьба вылилась в гражданскую войну 1918-21 гг. Сталинская историография распространила такую характеристику и на Октябрь, который стал трактоваться как апофеоз "классической социалистической революции".

Русская революция совершилась по Достоевскому, Он пророчески раскрыл ее идейную диалектику и дал ее образы. Достоевский понимал, что социализм в России есть религиозный вопрос, вопрос атеистический, что русская революционная интеллигенция совсем не политикой занята, а спасением человечества без Бога⁸.

Уже сейчас явно обнаруживает себя тенденция отделения классического («интеллигентского») культурного населения от новой духовно-интеллектуальной и

⁸Бердяев Н.А. Размышления о русской революции. М. 1992. – С. 16.

нравственной ситуации в России конца XX века. Говоря проще, мир "излишней" нравственности, созданный российской интеллигенцией XIX и начала XX веков и в превращенной форме сохранившейся даже в условиях тоталитарного строя после Октября 1917-го, ныне теряет свою социальную основу и нравственную устойчивость. Он просто распадается и уходит со сцены.

В самом деле, разве герои «Войны и мира» или «Анны Карениной» могут найти хоть какой-нибудь отзвук в душах не только учеников школы, но и их молодых учителей? Ведь общественная мораль основывается ныне на принципиально иных парадигмах, которые никоим путем не сочетаются с классическими интеллигентскими образцами, какие бы софистические ухищрения при этом ни делали учителя литературы. И потому классическое наследие быстро превращается в музейный экспонат, по-своему привлекательный и экзотичный. А у экзотики, разумеется, всегда найдутся ценители.

Вполне возможно, что новая Россия, избавившаяся от своего излишнего груза общемировой озабоченности, начнет так или иначе воспроизводить свои собственные усредненные подобию Фолкнера, Дьюи, Теннесси Уильямса, Чарли Чаплина — в своем роде гениальные... Однако удвоение даже выдающейся индивидуальности неизбежно приводит лишь к одиночеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белковец Л. П., Белковец В. В. История государства и права России. Курс лекций. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2000. — 216 с.
2. Бердяев Н. А. Духи русской революции. М. 1992.
3. Бердяев Н.А. Размышления о русской революции. М. 1992.
4. Булгаков С.Н. Интеллигенция и Религия. СПб. 2000.
5. Волобуев П. К вопросу о закономерности Октябрьской революции. // Коммунист, 1999. № 10. - С 21.
6. Воронин А.В. История Российской Государственности. Учебное пособие. М.: «Проспект», 2000.
7. Всеобщая история государства и права: Учеб. пособие / Под ред. К.И. Батыра - М.: Манускрипт, 1993.
8. Кирсанов В. Об интеллигенции в целом, о российской интеллигенции в частности. М. 2001.
9. Кузнецов И.Н. История государства и права России. М.: Амалфея. 2000.
10. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века — М.: Эдиториал УРСС. 1998.
11. Покровский Н.Е. Новые горизонты или историческая западня? // СОЦИС, №11, 1994. — С. 119-128.
12. Старцев В. Альтернатива. Фантазии и реальность // Коммунист, 1994, № 15.